

Сюй Цичэнь пребывал в полной растерянности.

Он никак не мог взять в толк, почему не воспротивился, а главное — что вообще означал этот поцелуй.

Рядом с Линь Жанем разум будто отказывал, и он переставал себе принадлежать. Впервые за десять лет это забытое ощущение накрыло его с головой.

И всё же на мгновение в глубине души мелькнула отчаянная мысль: пусть бы время замерло прямо сейчас. И неважно, что вернуться в реальный мир тогда не удастся.

Линь Жань рассчитывал встретить на побережье рассвет, но ливень спутал все планы. Прибрежные дожди приходят сокрушительной шквальной стеной, так что романтика быстро сменилась бегством: промокшие до нитки, они мчались на велосипедах назад в отель — сумбурный и весьма лапотный получился романтический порыв.

Вернувшись в номер и приняв горячий душ, Сюй Цичэнь отёр запотевшее зеркало. На него смотрело чужое лицо. Вспомнился поцелуй Линь Жана, и в груди воцарилась звенящая пустота.

— 0901, ты спишь?

— Господин Сюй, я — искусственный интеллект, мне не требуется сон.

— Понятно, — вздохнул Цичэнь и тихо спросил: — Как думаешь, Линь Жань... я ему правда нравлюсь?

— Господин Сюй, подобные вопросы нарушают правила.

— Я просто хотел с кем-то поговорить, — пробормотал Сюй Цичэнь, переворачиваясь на другой бок. — Он слишком сложный. Никогда не разберёшь, где он шутит, а где говорит всерьёз.

— Прежде вы не встречали таких людей?

Сюй Цичэнь ничего не ответил.

В воздухе вновь вспыхнуло системное окно с наградой:

[Получено очков: 2000]

Сюй Цичэнь зачислил баллы на счёт, но в голове по-прежнему царил сумбур. Всё разворачивалось слишком гладко. Ведь его задачей было завоевать Линь Жаня — так почему же инициатива постоянно переходила к тому?

Неужели Линь Жань так легко воспылал к нему чувствами?

Объяснений не находилось. Что, если всё это — не симпатия, а лишь секундная потеря контроля, вызванная слишком глубоким погружением в роль? Или вовсе обычная интрижка?

Чем больше он размышлял, тем меньше оставалось уверенности. До самого рассвета он так и не сомкнул глаз, просто пролежав без сна.

Зато едва ступив на борт самолёта, Цичэнь мгновенно провалился в беспросветный сон.

Стюардесса из первого класса долго не решалась подойти, но всё же шагнула к Линь Жаню:

— Учитель Линь, я... я ваша поклонница! Можно с вами сфотографироваться?

Линь Жань с готовностью поднялся и сделал пару снимков с бортпроводницами. При этом он заметил, как вторая девушка постоянно поглядывает на свернувшегося на соседнем кресле Сюй Цичэня, спавшего без задних ног.

— Он вчера не выспался, — улыбнулся ей Линь Жань. Вспомнив про вчерашний проливной дождь и прохладу от кондиционера, он добавил: — Принесите, пожалуйста, ещё один плед.

— Да-да, конечно, секундочку!

Девушка быстро вернулась с пледом. Линь Жань осторожно укрыл Сюй Цичэня. Тот во сне поджал ноги, кепка съехала, обнажив взъерошенный вихор.

Сюй Цичэнь проспал все десять с лишним часов полёта. Лишь перед самой посадкой его кое-как растолкала Чжан Сяося. Сонный, с кудрями набекрень, он лишь небрежно зачесал волосы назад и натянул кепку задом наперёд.

Все наставления Ли Юнь о «стильном аэропортовом луке» вылетели из головы. Сюй Цичэнь шествовал без солнцезащитных очков и без капли макияжа — полная противоположность Линь Жаню, который вышагивал впереди, безупречно застилизированный и одаряющий окружающих безукоризненной улыбкой.

Фанатов в аэропорту собралось куда больше, чем ожидалось. Они плотным кольцом обступили съёмочную группу. Сюй Цичэнь едва успевал принимать подарки, которые ему наперебой совали в руки. В голове шумело сильнее, чем в толпе.

— Брат Мэнцзэ, ты что, спал в самолёте?! — выкрикнула какая-то фанатка.

Сюй Цичэнь обернулся. Девушка снимала его на телефон.

— А... как ты догадалась? — смутился он, чуть отвернув лицо.

— Да у тебя на правой щеке отпечаток от подушки!

Вокруг раздался дружный хохот. Сюй Цичэнь тоже улыбнулся и потёр щёку. Огляделся — Линь Жаня уже не было видно.

— Брат, ты кого-то ищешь?

— Эм... а где Линь Жань?

Девушки вокруг мгновенно заверещали от восторга так громко, что Сюй Цичэнь вздрогнул.

«Я что-то не то сказал?»

— Вон там, там! Брат, Линь Жань вон там!

— А, спасибо, вижу, — Сюй Цичэнь торопливо поспешил сквозь толпу в указанном направлении.

К моменту, когда они добрались до шанхайского отеля, забронированного съёмочной группой, Сюй Цичэнь чувствовал себя абсолютно разбитым. Кто бы мог подумать, что у этих хрупких фанаток столько сил?

В Шанхае было ничуть не прохладнее, чем в Ницце, только душно — воздух казался липким.

Однако сменившаяся локация несколько не сбавила безумного темпа съёмок: команда мгновенно включилась в работу.

— «Нанькэ», сцена пятьдесят восьмая, дубль первый! Поехали! — Хлопушка зычно щёлкнула.

В тесной редакции кипела суета.

Нанькэ поставил финальную точку в интервью и обессиленно откинулся на спинку вращающегося кресла.

Вымотался в край.

— Нанькэ!

Не прошло и полминуты передышки, как над ухом раздался голос заведующего отделом. Нанькэ выпрямился:

— Да, я здесь! Что произошло?

Обливающийся потом начальник протиснулся сквозь группки спорящих коллег прямо к его столу:

— Джину с острым аппендицитом увезла скорая! Забери её материал, нужно срочно подменить её на интервью!

— Но у меня же у самого встреча через полчаса...

— Неважно! — отмахнулся заведующий, кидая на стол пухлую папку. — Я отправлю Сяо Чэня вместо тебя. Этого интервью мы добивались два месяца! Это его первое общение с прессой в Китае!

Нанькэ смерил взглядом документы. Герой материала — писатель.

— Нейтан? Француз?

— Именно! Свежее имя в европейской литературе. У нас в отделе только ты да Джина свободно изъясняется по-французски. Она свалилась, так что кроме тебя некому. Не переживай, твои текущие задачи я перераспределю, дуй туда прямо сейчас!

Сваливать горящие задачи на ведущих сотрудников — привычное дело в редакции. Нанькэ давно к этому привык.

— Оператора брать?

— Нет! Он категорически против съёмок, только текстовое интервью.

Прибыв к пятизвёздчному отелю, Нанькэ назвал своё имя на ресепшене и получил разрешение подняться.

Президентский люкс. А писатель-то вовсе не скромник. С тех пор как Нанькэ устроился в журналистику, свободного времени у него не оставалось совсем, даже чтение превратилось в непозволительную роскошь. О Нейтане он знал лишь понаслышке, но, судя по размаху, тот был типичным французским беллетристом-романтиком.

Остановившись у массивной двери, Нанькэ поправил воротник и нажал на кнопку звонка.

Тишина.

Подождав немного, он позвонил снова.

Опять ни звука.

Лишь с шестой попытки из-за двери донеслись смутные шорохи и грохот, будто внутри что-то опрокинули.

Дверь наконец отворилась.

— Здравствуйте, я корреспондент журнала... — заученная фраза застряла в горле.

Перед ним стоял вовсе не статный голубоглазый блондин.

На пороге замер бледный, худой брюнет. Белая рубашка была едва наброшена и распахнута на груди, от человека веяло густой смесью крепкого алкоголя и дорогого парфюма. Едва держась на ногах, он прислонился к косяку; лбом, скрытым за растрёпанными прядями, пролегла глубокая складка, и он начал медленно сползать по стене.

Вскинув голову, он встретился взглядом с Нанькэ. Тяжёлое похмелье затуманило его реакцию: он медленно прищурился, и лишь когда черты лица журналиста обрели чёткость, его зрачки сузились от шока.

Впрочем, наваждение быстро рассеялось. Гость пьяно улыбнулся и поприветствовал его по-французски:

— Бонжур. Я Нейтан.

С трудом поднявшись на ноги, он заставил себя устоять, зачесал длинную чёлку назад и, подарив застывшему от изумления Нанькэ мягкую улыбку, перешёл на чистый китайский:

— Хотя можешь звать меня Юй Нином. Как тебе удобнее.

Нанькэ так и не протянул руки в ответ. Юй Нин сам нарушил неловкую паузу: повернувшись, он пьяной походкой преодолел хаос из перевёрнутой мебели, распахнул шторы и поморщился от яркого дневного света.

Подняв два перевёрнутых кресла, он указал на одно из них:

— Присаживайся, — и выудил откуда-то смятую записку с деталями встречи. — Если память мне не изменяет, ваша редакция обещала прислать девушку.

Нанькэ закрыл за собой дверь и сел напротив:

— Да. Я подменяю коллегу.

Юй Нин саркастично вскинул бровь:

— Мои извинения, я перепутал дни и вчера немного... — он неопределённо пожал плечами. — Впрочем, неважно. Я уже протрезвел, работе это не мешает.

Нанькэ сжал в кулаке диктофон. Он практически не воспринимал слова Юй Нина — всё его внимание приковали засосы на ключицах собеседника, синяки на запястьях и царящий в люксе разгром.

Юй Нин откинулся на спинку кресла, пристально наблюдая за ним:

— Мы начнём?

— Стоп! Снято! — выкрикнул режиссёр Чэнь из-за монитора и подошёл к площадке. — Юй Нин, сейчас твоё состояние — это фальшивая маска, за которой ты прячешь истинные чувства. Нужно тоньше передать эту фальшь!

Сюй Цичэнь кивнул и глубоко перевёл дух. Разница между Юй Нином семилетней давности и нынешним была колоссальной. Сыграть такой контраст — сложнейшая задача даже для опытного актёра, что уж говорить о новичке.

Цичэнь перевёл взгляд на Линь Жаня. Тот вертел в руках диктофон и, почувствовав взгляд, поднял глаза.

— Как у тебя получается так быстро переключаться? — искренне поинтересовался Сюй Цичэнь.

— Переключаться?

— Ну, войти в образ Нанькэ, — пояснил Цичэнь. — Ты мгновенно перестроился из прошлых сцен в атмосферу этой тяжёлой встречи.

Линь Жань лишь загадочно улыбнулся.

Не мог же он признаться, что, едва увидав Сюй Цичэня в образе порочного, растрёпанного развратника, он испытал такую ярость, что и играть ничего не потребовалось — эмоции захлестнули сами собой.

— Ты всё ещё гредишь о том, что было семь лет назад? — неожиданно произнёс Линь Жань.

В его голосе проскользнуло пренебрежение — холодное, задевающее за живое:

— Всё это была ложь. И намёки, и симпатия — всё фальшивка. Лишь ты один, как дурак, носился со своим трепетным сердцем, пытаюсь всучить его мне. Когда ты уходил, это выглядело жалко. Теперь, смотри-ка, научился держать лицо? Решил проявить благородство при встрече?

Заметив, как нахмурился Сюй Цичэнь, Линь Жань продолжал вбивать сваи:

— Ты и впрямь веришь, что тебя кто-то способен полюбить? За что? За эту рожицу? Или за твою глупую наивность? Очнись. Это было обычное утешение в определённый момент жизни, ничего больше. В этом не было никакой любви.

Взгляд Сюй Цичэня потускнел. Его мысли унеслись куда-то далеко. Линь Жань тут же сменил тон, тепло улыбнувшись:

— Запомни эту обиду. Сейчас ты должен искренне ненавидеть Нанькэ.

Цичэнь вскинул на него глаза.

— Всё, что я сейчас сказал, — неправда, — мягко добавил Линь Жань.

Ему одновременно хотелось заставить Цичэня прочувствовать боль предательства и в то же время было безумно жаль его, когда тот искренне расстраивался.

Какая же это мука.

— Ещё дубль!

— «Нанькэ», сцена шестьдесят восьмая, дубль второй! Поехали!

Под щелчок хлопушки Сюй Цичэнь растянул губы в улыбке. Сидящий напротив Линь Жань будто расплылся, обратившись в призрак из далёкого прошлого.

— Не начнём, господин журналист?

Пальцы Нанькэ, сжимавшие диктофон, побелели. Он уткнулся в подготовленный коллегой опросник:

— Ваша новая книга «Город отворачения» пронизана мрачными мотивами. Многие читатели отмечают, что после прочтения остаётся тяжёлый осадок одиночества. Однако в аннотации указано, что это «история любви». Можно ли сказать, что это отражает ваши... взгляды на любовь?

Он не ожидал, что первый же вопрос Джины окажется настолько неловким.

Юй Нин опёрся локтем о подлокотник и чуть склонил голову набок:

— Каждая моя книга — это отражение моих взглядов на любовь, — он едва заметно усмехнулся. — У каждого своё понимание этого чувства. Что касается меня... пожалуй, лучше всего подходит китайская идиома.

Юй Нин выдержал паузу и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Пуганый журавль.

— Моё отношение к любви крайне пессимистично. Можно сказать, я и есть та самая птица, боявшаяся любого шороха.

Нанькэ опустил взгляд. Буквы на бумаге поплыли, потребовалось огромное усилие воли, чтобы сосредоточиться:

— Описание депрессивного состояния в вашем романе невероятно реалистично. Скажите, откуда вы черпали материал для работы?

— Разве вам никто не говорил, что депрессия — профессиональная болезнь писателей? — Юй

Нин коротко рассмеялся, но уловив, как изменился в лице Нанькэ, добавил уже мягче. Его улыбка на солнце ничем не отличалась от той, что помнилась из юности: — Шучу. Я просто докопался до самого дна собственной тревоги и отчаяния. Этого оказалось вполне достаточно.

Вопросы шли один за другим. Юй Нин проявлял удивительное миролюбие, и время текло незаметно.

Нанькэ перевернул последнюю страницу опросника:

— Читателям очень интересно: что служит для вас источником вдохновения?

— Источником вдохновения?.. — Юй Нин задумчиво сдвинул взгляд. — Алкоголь. В огромных количествах. И ещё... не уверен, разрешит ли цензура опубликовать такое...

Он остановил взгляд на Нанькэ, встретившись с ним глазами, и беззвучно артикулировал губами всего одно слово. На губах при этом замерло подобие улыбки.

Английское слово. SEX.

Нанькэ резко нажал на кнопку выключения диктофона.

Юй Нин изобразил крайнее изумление. Но когда журналист сорвался с места и дрожащими руками вцепился в его воротник, лицо писателя оставалось невозмутимым:

— Господин корреспондент, отчего же вы так злы?

Он подался чуть вперёд и шепнул:

— Даже я, брошенный вами без единого слова много лет назад, всё ещё продолжаю улыбаться.

<http://bllate.org/book/20431/2140377>